

A watercolor illustration of a young girl with red hair, freckles, and a flower crown, holding a green book. She stands in front of a white house with a red roof and green shutters. The scene is filled with spring flowers, trees, and birds flying in the sky.

Люси Мод Монтгомери

Энни
из Зелёных Мансард

#эксмогетство

Золотая полка мировой литературы

Люси Мод Монтгомери

Энни из Зелёных Мансард

«ЭКСМО»

1908

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

Монтгомери Л.

Энни из Зелёных Мансард / Л. Монтгомери — «Эксмо»,
1908 — (Золотая полка мировой литературы)

ISBN 978-5-04-217028-7

Юная Энни Ширли – неудержимая оптимистка с богатым воображением и добрым сердцем – по счастливому стечению обстоятельств попала в семью Катбертов. С её появлением тихая патриархальная жизнь усадьбы «Зелёные Мансарды» наполнилась множеством ярких событий – смешных, грустных, забавных, печальных, но всегда интересных и увлекательных. Первый, самый известный роман канадской писательницы Люси Мод Монтгомери положил начало восьмитомному циклу книг о жизни Энни Ширли, который на протяжении века остаётся бестселлером англоязычной литературы, занимая верхние строки мировых книжных рейтингов. Иллюстрации Екатерины Комраковой. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-217028-7

© Монтгомери Л., 1908

© Эксмо, 1908

Содержание

Глава 1. Миссис Линд удивлена	7
Глава 2. Мэттью Катберт удивлён	15
Глава 3. Марилла Катберт удивлена	25
Глава 4. Утро в Зелёных Мансардах	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Люси Мод Монтгомери Энни из Зелёных Мансард

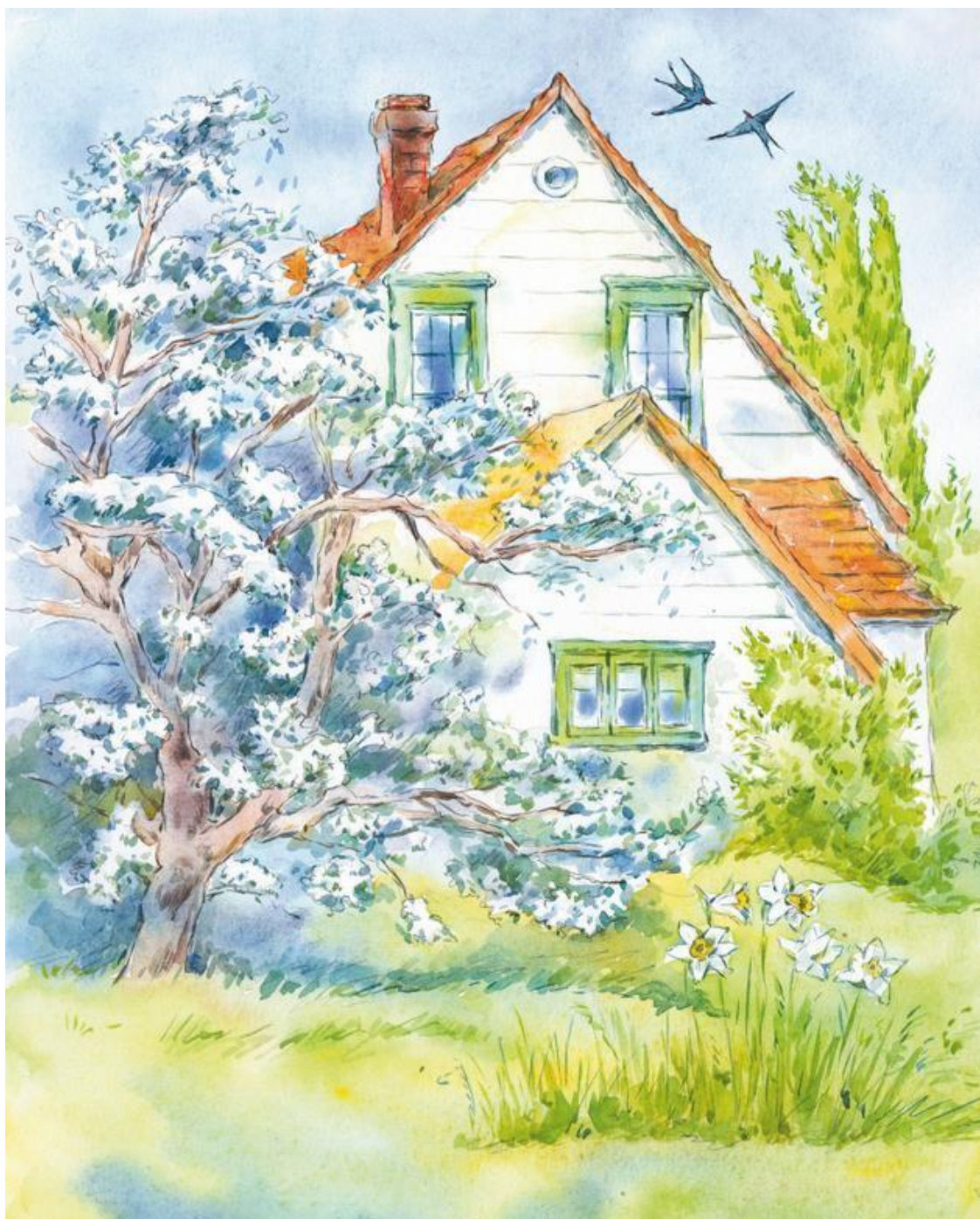
Памяти матери и отца моих

*Твой гороскоп – собранье добрых звёзд,
В тебе соткавших дух, огонь и росы.*

Браунинг

© Иванов А., Устинова А., перевод, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1. Миссис Линд удивлена

Миссис Линд жила там, где главная дорога Авонли устремлялась в небольшую ложину, по краям которой росли ольха и цыганские серёжки, а посередине бежал ручей. Бравший начало в лесу, возле фермы Катбертов, он стремительно нёсся по извилистому своему руслу с тёмно-таинственными заводями и порогами, но на подходе к низине Линдов словно спохватывался: не дело мчаться мимо двери миссис Линд, пренебрегая правилами хорошего тона, – и сменял своё буйство на благонравие тихого мирного ручейка. Видимо, даже ему было известно, как дотошно отслеживала из своего окна миссис Рэйчел всех пробегавших мимо – от ручьёв до детей – и при малейших, с её точки зрения, странностях или непорядке не успокаивалась, пока не выясняла, что происходит и почему.

В Авонли и за его пределами многие интересовались делами соседей, но любопытство отнимало время от дел собственных. Но миссис Рэйчел относилась к числу тех редких особ, которые и со своими заботами справятся, и за чужими проследят. Она была выдающейся домохозяйкой: превосходно управлялась по хозяйству, руководила кружком рукоделия, помогала в воскресной школе, была одним из столпов Общества церковной помощи и Вспомогательной службы зарубежных миссий. Не удивительно ли, что при подобной занятости у неё находилась ещё уйма времени на пёстрые покрывала, которые она вязала из хлопковых нитей, сидя часами у кухонного окна? «Шестнадцать штук уже сделала», – потрясённо констатировали домохозяйки Авонли. Но ещё сильнее всех поражало, что за вязанием не укрывалось от её глаз ничего из происходящего на главной дороге, которая за низиной взвивалась вверх по крутому склону холма. Авонли располагался на маленьком треугольном полуострове, острым углом вдававшемся в залив Святого Лаврентия, и любой, кто сюда приходил или отсюда уходил, обязательно появлялся на этой дороге, бросая тем самым вызов невидимому, но пристальному оку миссис Рэйчел.

Как-то в июне она тоже сидела и наблюдала. Время перевалило далеко за полдень. Солнечный свет, тёплый и яркий, золотил кухню. Сад в пышном свадебном наряде из розово-белых цветов, раскинувшийся на склоне горы чуть ниже дома, гудел от бесчисленного количества пчёл. Томас Линд – кроткий невысокий мужчина, которого жители Авонли чаще всего называли попросту «мужем Рэйчел Линд», – был занят поздней посадкой турнепса на горе за амбаром. То же самое собирался делать и Мэттью Катберт на большом красном поле у ручья возле Зелёных Мансард. Миссис Рэйчел точно это знала. Прошлым вечером ей довелось услышать, как в магазине Уильяма Дж. Блэра в Кармоди он говорил Питеру Моррису про предстоящую посадку турнепса «назавтра после обеда». Вернее, Питер спросил об этом, а Мэттью Катберт ответил, так как сам он никому никогда ничего не рассказывал.

И вот – нате вам турнепс! Мэттью Катберт в половине четвёртого в будний день, миновав низину, въезжает на холм. Белый воротничок... Выходной костюм... Коляска запряжена гнедой кобылой... Он явно направляется куда-то далеко от Авонли, и надо бы понять куда и зачем.

Будь это кто-то другой, миссис Рэйчел, сложив два и два, быстро поняла бы что к чему. Но Мэттью редко покидал городок. На всём свете не сыскать человека стеснительнее его и так неуютно чувствующего себя в незнакомых местах, среди чужих людей – особенно если приходила нужда разговаривать с ними. Значит, поездка вызвана чем-то из ряда вон выходящим и необычным, о чём лишней раз свидетельствовали парадный костюм и коляска. Миссис Рэйчел мучительно раздумывала, но ничего не могла понять, и удовольствие, которое приносили ей ежедневные наблюдения, оказалось отравлено.

«Наведаюсь-ка я после чая в Зелёные Мансарды и выведаю у Мариллы, куда и зачем он отправился, – решила изнывавшая от неизвестности достойная женщина. – Он обычно не уезжает из города в это время года, наносить визиты ему вообще *никогда* не взбрёт на ум, а если у него кончились семена турнепса, то он не поехал бы покупать их в коляске, да ещё таким *расфуфыренным*. Если бы он отправился за доктором для тяжелобольного, то ехал бы быстрее. Нет, всё-таки как пить дать что-то произошло со вчерашнего вечера. В чём причина? Совершенно не понимаю. И не успокоюсь, пока не выясню, что сегодня заставило Мэттью Катберта уехать из Авонли».

И она после чая отправилась в путь – не слишком, впрочем, далёкий. До большого дома Катбертов, стоящего посреди сада, от дома миссис Рэйчел по дороге было меньше четверти мили, а по длинной аллее немного дальше. Отец Мэттью Катберта, столь же застенчивый и молчаливый, как сын, постарался, насколько возможно, жить подальше от соседей, но всё-таки не в лесу. Поэтому усадьба Зелёные Мансарды раскинулась на самой дальней окраине Авонли

и была едва различима с главной дороги, вдоль которой в дружелюбном соседстве выстроились остальные дома городка.

Миссис Рэйчел решительно не понимала, как можно по собственной воле поселиться вот так, на отшибе. «Это не жизнь, а подлинное *прозябание*, – размышляла она, спускаясь по пересечённой корнями травянистой аллее, которую окаймляли кусты шиповника. – Потому-то, видать, у Мэттью и Мариллы мозги немного набекрень. Рядом с ними одни деревья, а с ними не наговоришься. Хотя, думаю, начни они разговаривать, Мэттью быстренько их повыврубил бы. Нет, я без людей рядом жить не могу, хоть ирландцы и говорят, что человек ко всему может привыкнуть».

С этими мыслями миссис Рэйчел выбралась по аллее на задний двор усадьбы – зелёный, аккуратный и тщательно распланированный. По одну сторону его выстроились патриархальные ивы, по другую – чопорные пирамидальные тополя. Нигде ни постороннего камушка, ни щепочки – уж они не укрылись бы от внимательных глаз миссис Рэйчел. Придраться было решительно не к чему. Похоже, Марилла подметала двор с той же тщательностью, что и дом. Прямо хоть ешь с земли, невзирая на поговорку, что в этом мире к любому хоть малость грязи прилипнет.

Миссис Рэйчел громко постучала в дверь кухни и вошла тотчас же, как изнутри последовало приглашение. Комнату, в которой она оказалась, можно было бы назвать жизнерадостной, если бы не чрезмерное усердие хозяйки, превратившей её в нежилую парадную гостиную. Окна кухни выходили на запад и на восток. Сквозь западное, обращённое на задний двор, струились по-июньски мягкие солнечные лучи, а из восточного были видны усеянные белыми цветами вишни, кивающие под ветерком белые берёзы в левой части сада, внизу у ручья, и зелёный занавес виноградных лоз. Марилла Катберт иногда сидела на кухне в предзакатные часы, но недолго. Солнечные лучи казались ей чересчур игривыми и безответственными для этого мира, который требовал, чтобы его воспринимали всерьёз. Тем не менее сейчас она была там со своим вязанием, а за её спиной был накрыт стол к ужину.

Миссис Рэйчел, даже не успев затворить за собою дверь, ухитрилась разглядеть всё, что на нём находилось. Три тарелки – значит, Марилла ждёт к ужину кого-то, за кем отправился Мэттью. Тарелки, однако, не парадные, а обычные, а из еды лишь пирог да яблочное варенье, из чего следует, что гость не какой-то особенный. Но как же тогда быть с белой сорочкой Мэттью и гнедой кобылой? У миссис Рэйчел голова шла кругом в попытках разрешить тайну, столь непривычную для тихих и совсем не таинственных Зелёных Мансард.

– Добрый вечер, Рэйчел! – бодро приветствовала её Марилла. – Отличная погода, не правда ли? Садись. Расскажи, как твоя семья.

Марилла Катберт и миссис Рэйчел всегда пребывали в весьма дружеских отношениях, точнее не назовёшь, и их взаимной приязни совсем не мешало, а, может, даже и помогало, что они очень разные.

Марилла, высокая и худая, казалось, состояла из сплошных углов. Тёмные волосы, в которых уже появились седые пряди, она закручивала на затылке в тугой пучок, воинственно протыкая его двумя шпильками. В её внешности было нечто, заставлявшее думать, что она неукоснительно придерживается твёрдых нравственных принципов. Такой Марилла и была, и только в складке её губ таился некий намёк на спасительное чувство юмора.

– У нас всё неплохо, – ответила миссис Рэйчел, – но я встретила, когда увидела, как Мэттью так спешно куда-то поехал. Подумала: уж не к доктору ли для тебя?

– О нет. Я сегодня хорошо себя чувствую, хотя вчера голова действительно болела. А Мэттью поехал в Брайт-Ривер. Мы взяли из приюта в Новой Шотландии маленького мальчика, и он сегодня прибывает на поезде.

Сообщи Марилла, что Мэттью поехал в Брайт-Ривер встретить австралийского кенгуру, миссис Рэйчел удивилась бы меньше. Она застыла и онемела на целых пять секунд. Неужели

Марилла её разыгрывает? Предположить подобное было немислимо, и всё-таки миссис Рэйчел почти пришла к такому выводу.

– Ты серьёзно, Марилла? – спросила она, едва к ней вернулся дар речи.

– Ну да, – отозвалась та с таким видом, будто брать мальчиков из сиротских приютов Новой Шотландии было вполне привычным июньским занятием у всех работающих фермеров Авонли, а не событием ошеломляющим и до сей поры здесь неслыханным.

Миссис Рэйчел почувствовала, что душевное равновесие покидает её, а в голове беспорядочно сменяют друг друга восклицания: «Мальчик! Не кто иные, как Марилла и Мэттью Катберты решили усыновить мальчика! Сироту! Из приюта! Просто земля из-под ног уходит! О, удивлюсь ли я после этого ещё хоть чему-нибудь в этой жизни!»

– С чего это вам вздумалось? – Вопрос прозвучал с осуждением. Миссис Рэйчел считала предосудительными любые поступки жителей Авонли, если те, прежде чем что-то решить окончательно, не спрашивали у неё совета.

– Ну мы какое-то время обдумывали... всю зиму, если точнее, – объяснила Марилла. – За день до Рождества к нам наведалься миссис Александра Спенсер. Она сказала, что весной собирается взять девочку из Хоуптонского приюта. В Хоуптоне у неё живёт сестра, миссис Спенсер съездила к ней и всё выяснила. А нам с Мэттью эта затея пришлась по душе. Мы обсуждали её, обсуждали и в результате решили, что возьмём мальчика. Мэттью не молодеет, знаешь ли. Ему пошёл седьмой десяток, и он далеко не так бодр, как прежде. Сердце стало его беспокоить, а хорошего наёмного работника в помощь найти, сама знаешь, трудно. Никого нет, кроме этих недорослей-французов. С ними намучаешься, пока под себя обтешешь, а едва они начинают на что-то годиться, как тут же отправляются на заводы, где делают консервы из лобстеров, а то и вовсе в Соединённые Штаты. Мэттью сперва предложили взять мальчика из Англии, но я твёрдо заявила: «Нет! Вполне допускаю, что в Англии тоже найдутся хорошие сироты, но ради меня, будь любезен, никаких лондонских беспризорников». Пусть наш мальчишка будет рождён в этих местах. Риск, конечно, всё равно есть, откуда приёмыш бы нам ни достался, но мне будет легче с местным, и спать стану я крепче, если мальчик наш, из Канады. Мы попросили миссис Спенсер подобрать нам такого, когда поедет она за своей девочкой. И на прошлой неделе она как раз туда собралась, а мы через родственников Ричарда Спенсера передали в Кармоди просьбу найти мальчика посообразительней и поприятнее лет десяти-одиннадцати. Самый, по нашему с Мэттью мнению, подходящий возраст. Не малыш уже и сразу сможет заняться какой-нибудь простой работой, но ещё достаточно мал, чтобы успеть воспитать его как следует. Пусть наш дом ему станет родным, и образование ему дадим. Телеграмма от миссис Александры Спенсер пришла сегодня, почтальон принёс со станции. Они прибывают на поезде в пять тридцать, и Мэттью поехал встречать. Миссис Спенсер высадит нашего мальчика в Брайт-Ривер, а сама отправится дальше, в Уайт-Сендс.

Миссис Рэйчел всегда гордилась своей прямоотой. Вот и сейчас, немного освоившись с ошеломительной новостью, высказала без обиняков то, что думает.

– Ты, Марилла, по-моему, совершаешь огромную глупость, да к тому же ещё и опасную. Почём тебе знать, что получишь? В твоём доме появится ребёнок, о котором тебе ровным счётом ничего не известно: ни какой у него характер, ни кем были его родители, ни сможет ли он вырасти приличным человеком. Я на прошлой неделе прочитала в газете статью о муже с женой из западной части острова. Они взяли приютского мальчика, а он ночью поджжёт их дом. И не случайно! *Нарочно* поджжёт! Они, бедные, только чудом не сгорели заживо в своих постелях. А ещё знаю про другого усыновлённого мальчика, который высасывал яйца из скорлупы, и отучить его от этого оказалось невозможно. Если бы ты со мной посоветовалась заранее, я бы определённо тебе ответила: «Упаси тебя Бог, Марилла, и даже мысли не допускаяй!» Вот так, и никак не иначе!

Но её суровый тон и не менее суровый смысл сказанного ничуть не обескуражили и не обидели Мариллу, и она, продолжая спокойно вязать, ответила:

– Спору нет, кое в чём ты, Рэйчел, права. У меня самой были те же сомнения. Но Мэттью так загорелся... Когда я это заметила, то сдалась. Он редко в чём упорствует, но если уж такое случается, то, считаю, мой долг ему уступить. Ну а риск... Да мы, что бы ни делали в этом мире, рискуем. Как посмотришь, так и своих детей рожать рискованно – далеко не всегда они вырастают идеальными. Новая Шотландия к нам довольно близко. Мы же его берём не из Англии или Соединённых Штатов. Вряд ли он чем-то особенно от нас отличается.

– Что ж, надеюсь, как-нибудь всё обойдётся, – произнесла миссис Рэйчел с видом, явственно выразившим мучительные сомнения. – Только не говори потом, что я не предупредила тебя, если он сожжёт дотла Зелёные Мансарды или насыплет стрихнину в колодец. Слышала я о подобном случае в Нью-Брансуике, где это сделал ребёночек из приюта, обрётший на жуткие муки и смерть всю любящую его приёмную семью. Не мальчик, правда, а девочка.

– Но мы-то берём не девочку, – победоносно парировала Марилла, словно уверенная, что отравлять колодцы свойственно лишь приёмным детям женского пола. – Девочку, не получившую воспитания, мне бы в голову не пришло взять. Удивляюсь, как миссис Александра Спенсер решилась. Но такой уж она человек. По-моему, весь приют бы удочерила и усыновила, окажись у неё возможность.

Миссис Рэйчел хотела было дождаться момента, когда Мэттью вернётся домой с сироткой, но, спохватившись, что произойдёт это не раньше чем через два часа, решила пока навестить Роберта Белла. Пусть узнает последнюю новость. Это же настоящая сенсация, а миссис Рэйчел обожала сенсации.

Марилле её уход принёс облегчение, так как от мрачных пророчеств гостыи она чуть было снова не оказалась во власти страхов и неуверенности.

– Мыслимо ли, что такое могло случиться! – выбравшись на аллею, воскликнула миссис Рэйчел. – Мне кажется, что я сплю. И до чего же жалко этого маленького бедняжку! Ведь Мэттью и Марилла понятия не имеют о детях и о том, как их воспитывать. Им, видно, кажется, что мальчишка будет спокойнее и рассудительнее, чем его дедушка, если, конечно, у него вообще был дедушка, в чём я лично сомневаюсь. Но это же надо! Ребёнок в Зелёных Мансардах! Никогда прежде этот дом не знал детей. Когда его только начали строить, Мэттью с Мариллой уже давно вышли из детского возраста. Да и были ли они вообще когда-то детьми? Глядя на них, не могу такого представить. И до чего же сочувствую бедному сироте! Не хотела бы я оказаться на его месте. Вот именно так. Совсем не хотела бы!

Кусты шиповника, к которым миссис Рэйчел обратилась с этой речью, наверняка услышали бы от неё нечто ещё гораздо более пламенное, возмущённое и сочувственное, знай она в тот момент, что за ребёнок ждал Мэттью на станции Брайт-Ривер.

Глава 2. Мэттью Катберт удивлён

Гнедая кобыла неспешно везла Мэттью Катберта все восемь миль до Брайт-Ривер. Красивая дорога тянулась мимо уютных усадеб, время от времени углубляясь то в островки ароматного пихтового леса, росшего между фермерскими угодьями, то спускаясь в низины, где сливовые деревья уже надели июньский наряд из цветов. Воздух был напоён сладким запахом цветущих яблоневых садов. Отлогие луга вдалеке простирались до самой линии горизонта, где тонули в бело-лиловой дымке тумана. А птицы пели с таким воодушевлением, словно «сегодня выдался единственный летний день за весь год», как написал Джеймс Расселл Лоуэлл¹ в стихах «Видение сэра Лаунфала».

Мэттью наслаждался поездкой и мог бы получить от неё ещё больше удовольствия, если бы ему по пути не встречались женщины, которым было необходимо приветливо кивнуть, потому что на острове Принца Эдуарда² считалось обязательным здороваться с каждым встречным, неважно, знаком он вам или нет.

Женщины вызывали у Мэттью опаску. Они, все до одной, кроме Мариллы и миссис Рэйчел, представлялись ему существами загадочными, и он испытывал сильное подозрение, что они втайне смеются над ним. Возможно, отчасти так и было. Выглядел-то он весьма странно: нескладный, вечно сутулящийся, с длинными, изрядно уже поседевшими волосами, которые доходили ему почти до плеч, и мягкой каштановой бородой. Он отпустил её ещё в двадцать лет и с тех самых пор выглядел точно так же, как и сейчас, только без проседи в волосах.

Прибыв в Брайт-Ривер, Мэттью не застал поезда и, решив, что добрался до места слишком рано, привязал лошадь во дворе маленькой местной гостиницы и отправился на вокзал. Длинная платформа встретила его почти полным безлюдьем. Лишь в самом дальнем конце её сидела на штабеле досок девочка. «Девочка», – отметил мысленно Мэттью, стремясь скорее проскользнуть бочком мимо, как бы не заметив, что тут кто-то есть. На лице девочки было написано напряжённое ожидание. Она явно высматривала что-то или кого-то. И так как ей оставалось только сидеть и ждать, она старалась изо всех сил справиться с этой задачей.

Мэттью осведомился у начальника станции, запиравшего билетную кассу перед тем, как пойти домой ужинать, скоро ли подойдёт поезд в пять тридцать.

– Прибыл и отбыл уже полчаса назад, – отозвался бодрый служащий. – Вам, однако, оставили здесь кое-кого. Маленькую девочку. Да вон она – там, на досках сидит. Я было предложил ей пройти в зал ожидания для леди, а она мне ответила, что предпочитает остаться снаружи, потому как там больше простора для воображения. Вот вам и девочка.

– Но я жду не девочку, – ошарашенно промямлил Мэттью. – Я приехал за мальчиком. Миссис Спенсер должна была привезти его из Новой Шотландии.

– Вот же оказия, – присвистнул начальник станции. – Миссис Спенсер, однако, сошла с поезда именно с этой девочкой, вверила её моему попечению и объяснила, что вы с сестрой берёте её из сиротского приюта и удочеряете, поэтому скоро приедете за ней на станцию. Остальное мне неизвестно.

– Как же так? – совсем растерялся Мэттью, мечтая, чтобы рядом оказалась Марилла, которая, в отличие от него, умела справляться с трудными ситуациями.

– Я бы на вашем месте спросил у девочки, – произнёс как что-то само собой разумеющееся начальник станции. – Смею заверить, она уж точно вам всё объяснит. Язычок у неё бойкий, можете мне поверить. А насчёт мальчика... Может, у них нужного фасона не оказалось в наличии?

¹ Джеймс Расселл Лоуэлл (1819–1891) – американский поэт-романтик.

² Остров Принца Эдуарда – остров и провинция в Канаде.

С этими словами оголодавший служащий поспешил к своему ужину, оставив бедного Мэттью, которому легче было бы побрить льва в его логове, чем подойти к девочке! Незнакомой девочке! Сироте! И спросить у неё, почему она не мальчик! Мысленно застонав, Мэттью повернулся и обречённо побрёл по платформе туда, где сидела девочка.

А она с тех пор, как он прошмыгнул мимо, наблюдала за ним и сейчас тоже с него не сводила глаз. Мэттью на неё не смотрел, а если бы и смотрел, всё равно от волнения не смог бы разглядеть то, что открывалось стороннему наблюдателю: девочку лет одиннадцати в очень коротком, тесном и крайне безобразном платье из жёлто-серой байки и в порядком вылинявшей коричневой шапочке, из-под которой торчали две толстых рыжих косы. Личико маленькое, худое и беспокойное, обильно покрытое веснушками. Большой рот. Большие глаза, которые, в зависимости от освещения, казались то зелёными, то серыми.

Более внимательный наблюдатель мог бы добавить, что подбородок у девочки острый и чётко очерченный, глаза необычайно живые и полные задора, рот выразителен, лоб широк и высок и всё в её внешности выдаёт натуру неординарную, а Мэттью Катберт, который к ней приближается, до смешного охвачен робостью.

К счастью для него, он оказался избавлен от самого страшного испытания – заговорить первым. Девочка при его приближении вскочила на ноги, подхватила загорелой рукой потрёпанную старомодную ковровую сумку, а другую протянула ему.

– Полагаю, вы мистер Мэттью Катберт из Зелёных Мансард? – спросила она чистым и мелодичным голосом. – Очень рада встретиться с вами. Я уже опасалась, что вы за мной не приедете, и пыталась представить себе разные обстоятельства, которые вам помешали. Если бы

вы и впрямь сегодня не добрались сюда, я уже знала, как поступить. Дошла бы по рельсам вон до той дикой вишни, залезла бы на неё и там переночевала. Мне кажется, совсем не страшно ночевать на дикой вишне, когда она вся в белых цветах, а на небе светит луна. Вам это тоже понравилось бы, мистер Мэттью? Ведь можно вообразить, будто бы это белый мраморный зал, правда? Я была совершенно уверена, что вы приедете за мной завтра, если уж у вас не получилось сегодня.

Мэттью неуклюже взял её тощую ручку в свою, и у него тут же созрело решение.

Сообщить этому существу с сияющими глазами, что произошла ошибка, он был не в состоянии. Оставлять девчущку одну на станции тоже не годилось. Поэтому он счёл наилучшим выходом вернуться с ней вместе в Зелёные Мансарды, а там уж пусть Марилла ей растолкует про путаницу, которая вышла.

– Мне очень жаль, что я опоздал, – застенчиво произнёс он. – Пойдём. Лошадь стоит во дворе. Дай-ка мне твою сумку.

– О, я сама могу её донести, – весело ответила девочка. – В ней *всё моё земное имущество*, но его так мало, что она очень лёгкая. Только с ней надо уметь обращаться. Это ужасно старая сумка, и, если неправильно взять, у неё ручка отваливается. Ой, как же я рада, что вы всё-таки приехали сегодня! Хотя ночью на дикой вишне тоже было бы здорово. Долго нам ехать? Миссис Спенсер сказала, что восемь миль. Замечательно! Я люблю, когда едешь долго. И так хорошо, что я теперь стану вашей и буду жить у вас. Я ещё никогда не была по-настоящему чьей-то. В приюте ведь хуже всего. Я там провела только четыре месяца, но мне и этого хватило. Полагаю, вы никогда не были сиротой в приюте, поэтому вряд ли меня поймёте. Это хуже всего, что вы могли бы себе представить. Миссис Спенсер сказала, что так говорить дурно, но я же не имела в виду ничего дурного. Правда же, очень просто сказать или сделать что-то плохое, если не знаешь, что это плохо? Люди в приюте скорее даже очень хорошие, знаете ли, но там очень мало простора для воображения. Одни сироты вокруг. Я даже придумывала о них истории. Например, придумала про девочку рядом со мной, что она на самом деле дочь графа, но злая няня её украла, а потом заболела и умерла, прежде чем успела признаться, чей это ребёнок. Днём у меня не было времени придумывать, зато ночью никто не мешал. Лежи себе и придумывай вместо того, чтобы спать. Так я и делала. Поэтому, наверное, такая худая. Я ведь ужасно худая, правда? Кожа да кости. Хотя иногда я люблю вообразить себя хорошенькой, пухленькой и с ямочками на локтях.

Тут спутница Мэттью умолкла, отчасти потому, что, говоря на ходу, запыхалась, а отчасти потому, что они дошли до коляски. Она не проронила ни слова, пока они ехали через городок, а затем спускались с крутого холма, и дорога, проложенная по нему, так глубоко прорезала мягкий грунт, что обочины с цветущими яблонями и стройными белыми берёзами оказались на несколько футов выше голов проезжающих.

Девочка вновь заговорила уже под холмом.

– Правда, она прекрасна? – сорвав ветку дикой сливы, хлестнувшую по борту коляски, спросила она у Мэттью. – Интересно, кого вам напоминает это белое кружевное дерево на склоне?

– Да прямо даже не знаю, – пожал плечами тот.

– Невесту, конечно же, – удивилась девочка, что он не видит столь очевидного. – Всю в белом, с прекрасной, почти прозрачной фатой. Я ещё никогда не видела ни одной невесты, но представляю себе, как они должны выглядеть. Сомневаюсь, что сама когда-нибудь стану невестой. На такой некрасивой девочке никто не захочет жениться, разве что какой-нибудь заграничный миссионер. Миссионерам не пристало быть слишком разборчивыми. Но я очень надеюсь, что белое платье у меня всё-таки будет. Для меня это *идеал земного блаженства*. Мне очень нравится красивая одежда, а красивого платья у меня никогда в жизни не было. Во всяком случае, я этого не помню. Зато есть о чём мечтать. Знаете, как хорошо, когда пред-

ставляешь себя роскошно одетой? Утром мне было очень стыдно, что я уехала из приюта в таком безобразном старом байковом платье. Их приходится носить всем сиротам. Эту байку прошлой зимой пожертвовал приюту один торговец из Хоуптона – целых три сотни ярдов. Говорят, потому что продать её никому не смог, но я хочу думать, что по доброте душевной. Так ведь лучше выходит, правда? Только в поезде на меня, по-моему, все смотрели с жалостью. Тогда я постаралась забыть, что на мне, и представила, будто еду в прекраснейшем голубом платье, большой шляпе с цветами и перьями, которые чуть покачиваются, и ещё у меня золотые часы, лайковые перчатки и очень изящные ботиночки. Уж если воображать, то самое превосходное, правда? Знаете, я сразу от этого повеселела и уже полностью наслаждалась путешествием к острову. На пароходе меня ничуть не тошнило. И миссис Спенсер тоже. Обычно она страдает от морской болезни, но в этот раз у неё не осталось времени сосредоточиться на своём плохом самочувствии. Она сказала, это потому, что ей постоянно приходилось следить, как бы я не упала за борт. На пароходе очень интересно, и мне хотелось увидеть как можно больше, ведь другой возможности может не представиться. Поэтому я и ходила повсюду. Миссис Спенсер сказала, что ещё никогда в жизни не сталкивалась с таким поведением. Но если это уберегло её от морской болезни, значит, моё поведение оказалось во благо, правда же? Ой, сколько вишен в цветах! По-моему, этот остров – самое цветущее место на свете! Я уже его обожаю! Так рада, что буду теперь здесь жить! Много раз слышала, как он прекрасен, и уносила мечтами к нему, воображая, будто сама живу на острове Принца Эдуарда, красивей которого нет в мире. Но разве я могла подумать, что это сбудется? Правда, великолепно, когда мечты сбываются? Какие забавные эти дороги красного цвета! Когда поезд вышел из Шарлоттауна и они стали мелькать за окнами, я спросила у миссис Спенсер, отчего они красные, а она ответила, что не знает, и попросила меня больше не задавать ей вопросов. «Ты, – сказала она, – и так уже задала их больше тысячи». Ну да, предположим, задала. Но ведь если о чём-то не спросишь, то и не узнаешь. Так отчего здесь дороги такого цвета?

– Да прямо как-то и не знаю, – ответил Мэттью.

– Видите! Значит, настал момент выяснить. Правда же, интересно, когда думаешь обо всём непонятном? И сколько же этого вокруг нас! Если бы все обо всём абсолютно всё знали, жить бы стало гораздо скучнее, правда? Никакого простора для воображения, да? Только я, наверное, слишком много болтаю. Люди часто мне это говорят. Если вы тоже скажете, я замолчу. Это трудно, но у меня получится, если себе прикажу.

Но Мэттью совсем не хотел, чтобы она замолчала. Как многим молчунам, ему нравились разговорчивые люди, которые не требуют, чтобы им отвечали, а ещё, к его удивлению, общество девочки доставляло ему всё большее удовольствие. Обычно он опасался девочек даже сильнее, чем взрослых женщин. Готов был провалиться сквозь землю, когда они торопливо проскальзывали мимо него, косясь пугливо, будто ждали, что, если произнесут хоть слово, он разом их проглотит. Так вели себя с ним благовоспитанные девочки Авонли. Но как же от них отличалась эта веснушчатая ведьмочка! Конечно, ему трудно было уследить за тем, как она с невероятной скоростью перескакивала с одного на другое, однако мысленно он заключил, что «вроде как даже доволен», а потому по обыкновению застенчиво произнёс:

– Да говори сколько надо. Не против я.

– Ой, спасибо! Я вижу, мы с вами славно поладим. Мне так легко, если могу говорить, как только захочется, и так трудно, когда мне велят, чтобы меня не было слышно и видно. Мне, знаете, это миллионы раз приказывали. А ещё люди смеются, когда я начинаю говорить красивыми и возвышенными словами. Но если мысли у меня в это время такие же, их же другими словами не выразишь, правда же?

– Разумное вроде бы соображение, – кивнул Мэттью.

– Миссис Спенсер сказала, что у меня язык подвешен неправильно, но она не права. Он висит крепко и именно там, где надо. А ещё она сказала, что ваша ферма называется Зелё-

ные Мансарды. Мне кое-что удалось про неё расспросить, и я теперь знаю, что она находится рядом с лесом. Это очень хорошо. Обожаю деревья. Возле приюта их, можно сказать, и не было – только несколько совсем чахлах и маленьких возле дома. Они стояли в таких побелённых штуках, вроде сеток, словно тоже сироты. Я не могла смотреть на них без слёз и говорила им: «Бедные вы, бедные! Расти бы вам в лесу рядом с другими деревьями, чтобы возле ваших корней зеленел мох и цвели ландыши, а на ваших ветках сидели бы и пели птицы. Тогда вы стали бы большими и красивыми, а здесь это невозможно, я знаю, да и вы сами знаете». Мне было очень жалко сегодня утром расставаться с ними, ведь к таким существам привязываешься. А ручей в Зелёных Мансардах есть? Об этом я у миссис Спенсер не спрашивала.

– Да. Чуть пониже дома, – пояснил Мэттью.

– Замечательно! Всегда мечтала жить рядом с ручьём, надо же такому случиться!.. Вот если бы все желания так сбывались! Понимаете, я сейчас чувствую себя почти абсолютно счастливой. И была бы совсем абсолютно, а не почти, если бы... Как вы назовёте такой цвет?

И, перекинув через худенькое плечо толстую блестящую косу, она поднесла её к глазам Мэттью. Тот не очень хорошо разбирался в оттенках женских волос, но в данном случае быстро сделал вывод, хотя и ответил по давней привычке вопросом:

– Рыжий, да?

Девочка, откидывая косу за плечо, так шумно выдохнула, словно пыталась избавиться от заполнившей её вплоть до кончиков пальцев ног многолетней скорби.

– Да, рыжий, – обречённо подтвердила она. – Теперь понимаете, почему я не могу быть абсолютно счастлива? Никто с рыжими волосами не может быть счастлив. Веснушки, зелёные глаза и худоба меня волнуют меньше. Я легко могу вообразить вместо них дивную, как лепесток лилии, кожу и сияющие фиалковые глаза, о худобе вообще забываю, но рыжие волосы даже воображение не прогоняет, при всём старании. Сколько раз я говорила себе: «У меня теперь волосы чёрные, как вороново крыло». Говорила, но всё равно знала, что они *просто рыжие!* Знаете, как мне тяжело? Это будет моей *пожизненной скорбью*. Я однажды читала про девушку с пожизненной скорбью. У неё, правда, она была не из-за рыжих волос. Волосами она как раз славилась великолепными, цвета старого золота, и они оведали волнами её алебастровый лоб. Ой, вы, кстати, не знаете, что такое алебастровый лоб? Мне так и не удалось это выяснить.

– Боюсь, что не знаю, – откликнулся Мэттью, у которого уже немного кружилась голова – почти как в юности, когда он отважился пойти на пикник и приятель заманил его покататься на карусели.

– Но наверняка это что-то хорошее, раз все считали её божественно красивой, – продолжила девочка. – Вы когда-нибудь думали, каково это – быть божественно красивым?

– Да как-то не приходилось, – чистосердечно признался Мэттью.

– А я вот часто задумываюсь. Вот скажите: если бы вам предложили на выбор стать божественно красивым, до помрачения умным или ангельски хорошим, что вы предпочли бы?

– Прямо даже точно и не знаю, – растерялся Мэттью.

– Я тоже. Никак не могу определиться. Ну и пусть. Всё равно я наверняка никем таким не стану. Уж ангельски хорошей – точно. Миссис Спенсер сказала... Ох, мистер Катберт! Ох, мистер Катберт! Ох, мистер Катберт!

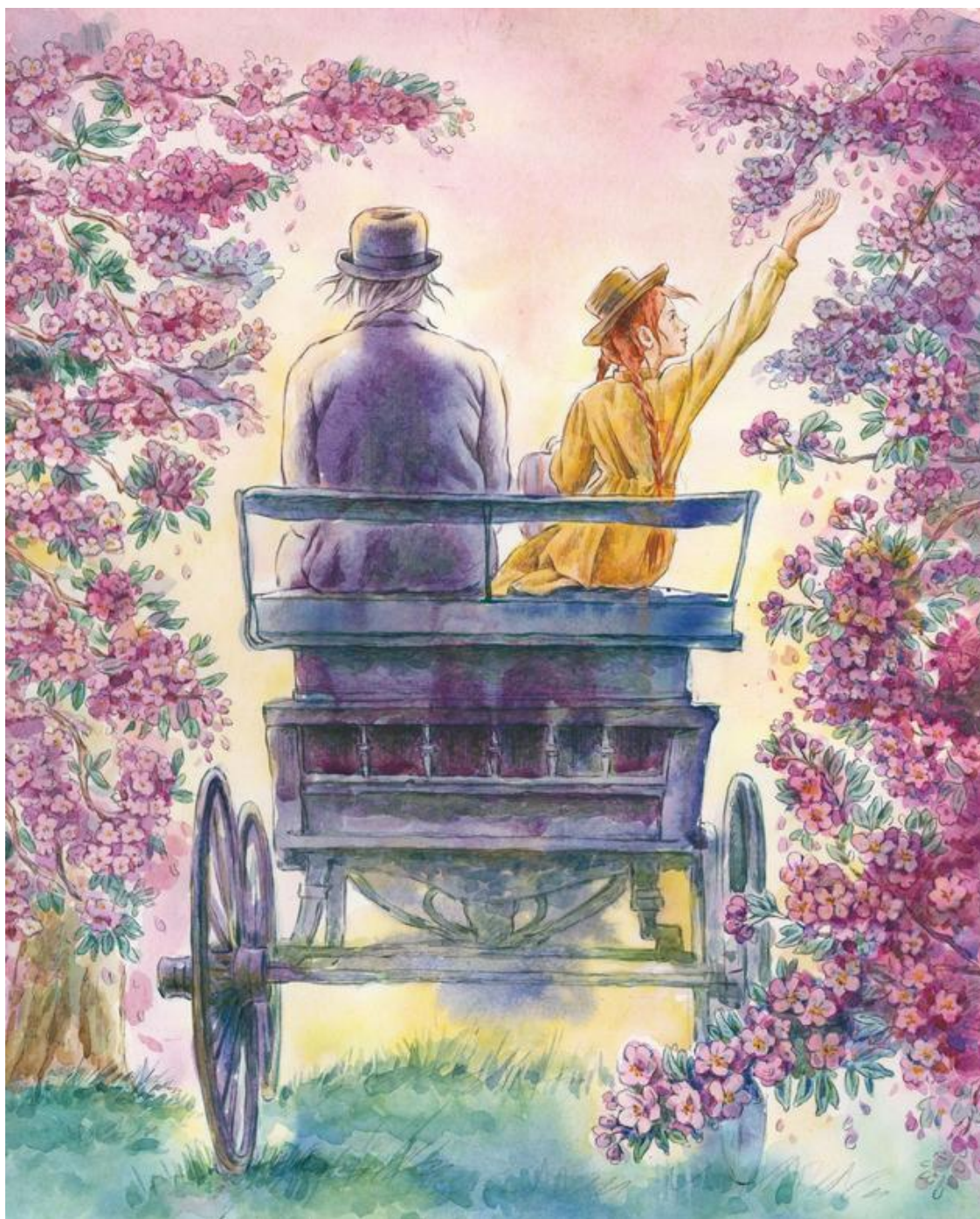
Миссис Спенсер ничего подобного не говорила, девочка не выпала на ходу из коляски, Мэттью не совершил ничего удивительного. Просто наши путники, свернув за угол, выехали на Авеню – так назывался в Ньюбридже отрезок дороги длиной около пятисот ярдов, по обеим сторонам которой какой-то эксцентричный чудак-фермер много лет назад высадил яблони. Теперь их ветви смыкались над дорогой так густо и плотно, что образовывали туннель. В разгар весны этот туннель вскипал белоснежным благоуханным цветом. Сейчас туннель был наполнен лиловым сумраком, а сквозь него далеко впереди сиял, как огромное круглое окно в полу-

тёмном боковом нефё³ кафедрального собора, промельк подкрашенного заходящим солнцем неба.

Онемев от этой красоты, девочка откинулась на спинку сиденья и, стиснув худенькие руки, воздела восторженное лицо к белокипенному своду, проплывавшему над их головами. Но даже когда они миновали туннель и спустились по длинному склону к Ньюбриджу, она так и продолжала сидеть неподвижно, молча и потрясённо глядя на запад, где заходило солнце, на ослепительном фоне которого фантазия ей рисовала прекрасные видения. Они проехали через Ньюбридж, маленькую шумную деревеньку, где собаки облаивали их, мальчишки улюлюкали им вслед, а любопытные лица таращились на них из окон, но и тут девочка не произнесла ни слова. Следующие три мили пути она провела в полном безмолвии, из чего следовало, что молчать она умеет с той же энергией, что и говорить.

– Ты, верно, устала и проголодалась, – наконец осмелился заговорить Мэттью, признав две эти причины самым вероятным поводом для столь длительного молчания. – Нам пути всего-ничего осталось. Только миля.

³ *Неф* – вытянутое помещение, ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн.

Выйдя с глубоким вздохом из мечтательного состояния, девочка посмотрела на своего спутника затуманенным взором, словно душа её, увлечённая ввысь далёкой звездой, ещё не вернулась.

– Ах, мистер Катберт, – прошептала она. – Это белое место, через которое мы проехали... Это белое место... Что это было?

– Ты, должно быть, про Авеню? – основательно, хоть и недолго поразмыслив, ответил Мэттью. – Место такое. Глаз радует.

– Глаз радует? – переспросила она. – Но, по-моему, это не совсем подходящие слова. И красивое тоже не подойдёт. Слишком бледно. Место восхитительное! Восхитительное! Первый раз вижу такое, что совершенно не нужно улучшать воображением. Оно само по себе пре-

красно. И у меня здесь, – положила она руку на грудь, – появилась такая странная боль, от которой не плохо, а, наоборот, хорошо. У вас, мистер Катберт, такая боль бывает?

– Ну, прямо не могу припомнить.

– А у меня часто. Всегда, если вижу что-нибудь по-королевски прекрасное. И зря это прекрасное место назвали Авеню. Нужно было назвать его... Дайте подумаю... Белый Путь Радости. Правда, хорошее, образное название? Когда мне не нравится имя какого-нибудь человека или места, я всегда придумываю новое и дальше уже называю именно тем, что придумала. В приюте у нас была девочка, которую звали Хепзиба Дженкинс. Но я всегда называла её Розалией де Вер. И пусть другие люди называют это место Авеню, но для меня оно навсегда теперь будет Белым Путём Радости. А нам действительно осталась только миля до дома? Я и рада, и одновременно мне жаль. Поездка была такой приятной, а мне всегда жалко, когда приятное завершается. Потом, конечно, может произойти что-то ещё приятнее, но ведь в этом никогда нельзя быть уверенной. Очень часто потом, наоборот, случается что-то ужасно неприятное, я-то знаю по собственному опыту. Но я рада, что мы приближаемся к дому. Понимаете, с тех пор, как я себя помню, у меня никогда не было настоящего дома, а теперь я еду в самый настоящий дом, и стоит об этом подумать, как снова чувствую приятную боль. О, как красиво!

Они поднялись на гребень холма, и внизу их взорам открылся пруд, длиной и извилистостью напоминающий реку. Посередине его пересекал мост, и от моста до нижней части пруда, где гряда янтарного цвета песчаных дюн отделяла его от тёмно-синего залива, вода играла и переливалась сменяющимися друг друга красками чистейших оттенков – фуксии, розового, немисливо яркой зелени и множества дивных полутонов, которым так трудно подобрать название. Верхняя часть пруда скрывалась в бахромчатых рощах елей и клёнов, и в их ажурных колышавшихся тенях вода казалась полупрозрачной.

Тут и там склонялись к пруду деревья цветущей дикой сливы, походившие на одетых в белое девушек, которые, встав на цыпочки, ловили в водной глади своё отражение. Сладко-протяжный хор лягушек доносился от верхнего берега, где было болото. А на склоне за прудом выглядывал из белого яблоневого сада маленький серый дом с ярко освещёнными окнами, хотя темнота ещё не сгустилась.

– Это пруд Барри, – объяснил Мэгтью.

– О, это название мне тоже не нравится. Я назову его... дайте подумать... Озеро Сияющих Вод. Да, именно так будет правильно. Я в этом совершенно уверена. Когда мне удаётся придумать действительно подходящее имя или название, то сердце ёкает и дрожь пробирает. А у вас тоже сердце из-за чего-нибудь ёкает и дрожь пробирает?

Мэгтью поразмышлял.

– Ну прямо надо признаться, да. Меня всегда дрожь пробирает, когда копаю грядки под огурцы и поднимаю лопатой мерзких белых личинок. Терпеть их не могу.

– Ну, я думаю, это совсем другая дрожь. Вы же понимаете, что у личинок и Озера Сияющих Вод очень мало общего. А почему его называют прудом Барри?

– Да потому что в том доме над прудом живёт мистер Барри, его усадьба называется Яблоневый склон. Коли б не тот большой куст позади неё, ты б могла уже отсюда увидеть Зелёные Мансарды. Но нам до них ещё надо проехать по мосту да затем обогнуть по дороге полмили.

– А у мистера Барри есть какие-нибудь маленькие девочки? Вернее, не совсем маленькие, а моего приблизительно возраста.

– Есть одна. Около одиннадцати. Звать Диана.

– Ой! – воскликнула девочка с долгим выдохом. – Какое же у неё идеально прекрасное имя!

– Н-ну прямо даже не знаю. Что-то в нём есть такое... ужасно варварское. По мне, лучше Джейн, или Мэри, или ещё какое-нибудь из благоразумных. Но когда Диана эта родилась, у них учитель жильё снимал, и выбрать ей имя они ему позволили. Вот он Дианой её и нарёк.

– Ах, как мне жалко, что, когда я родилась, никакого такого учителя рядом не было. Ой, мы уже у моста! Значит, мне надо крепко зажмуриться. Потому что я всегда боюсь... Невольно тут же себе представляю: доберёшься до середины, а мост сложится, будто перочинный ножик, и окажешься там зажатой, словно в тисках. Поэтому и зажмуриваюсь. Но потом всё равно открываю глаза. Потому что, когда я чувствую, что до середины уже добралась, мне обязательно нужно увидеть, как он начнёт складываться, если и впрямь начнёт. И с каким грохотом! Эта грохочущая сторона дела мне больше всего нравится. Правда, потрясающе, что в мире столько разного может нравиться? Вот. Мы уже переехали. Теперь оглянись назад. Доброй ночи, милое Озеро Сияющих Вод! Всегда желаю доброй ночи всему, что мне нравится. И людям тоже, если считаю, что им это будет приятно. Ой, по-моему, эта вода улыбается мне.

Они поднялись ещё на один холм, свернули, и Мэттью сказал:

– Мы уже почти дома. Вон они, Зелёные Мансарды.

– Ой, не надо! – Схватив его за указывающую направление руку, девочка даже глаза зажмурила. – Позвольте мне самой угадать. Уверена, что совершенно правильно угадаю.

И, открыв глаза, она принялась озираться по сторонам. Они находились на гребне холма. Солнце уже зашло, но ландшафт был виден ещё достаточно чётко в мягком послесветии. С западной стороны на фоне тёмно-жёлтого неба чернел шпиль церкви. Внизу раскинулась долина. За ней полбго шёл вверх склон следующего холма, по которому были уютно разбросаны фермерские владения. Девочка принялась напряжённо, жадно разглядывать их одно за другим, пока внимание её не привлекло то слева, что отстояло дальше всех от дороги, смутно белея цветущими деревьями на фоне сумрака окружающих лесов. Над ним в безоблачном юго-западном небе сияла, как путеводная и полная обещаний, огромная белая звезда.

– Это он, не правда ли? – указала на дом девочка.

Мэттью радостно хлопнул поводьями по спине гнедой.

– Надо ж. Прямо догадалась. Видать, миссис Спенсер толково тебе объяснила.

– Да нет, она наоборот мне сказала, что ваша усадьба такая же, как все остальные. У меня даже представления не было, как она выглядит. Но вот мы приехали, и я сразу почувствовала, где мой дом. Ой, я будто во сне! Знаете, у меня рука, наверное, от локтя и выше уже вся в синяках. Мне же сегодня столько раз прямо до тошноты становилось страшно, что просто сплю, и я в доказательство, что не сплю, начинала себя щипать. А потом спохватилась: пусть даже это сон, но, если мне так хорошо в нём, не стану его раньше времени прогонять. И больше руку не щипала. Только ведь всё по-настоящему. И мы уже почти дома.

И она с безмятежным вздохом умолкла, а Мэттью тревожно заёрзал. Одно лишь немного его успокаивало: Марилле, а не ему самому предстоит объяснить этой бесприютной душе, что в доме, о котором она так мечтает, ей не остаться. Они проехали по низине Линдов, окутанной почти полной тьмой, но не настолько полной, чтобы помешать миссис Рэйчел вести наблюдение из своего окна, и она, разумеется, их увидела. Им осталось подняться вверх по склону, за которым длинная подъездная аллея вела к Зелёным Мансардам. К моменту, когда они остановились, Мэттью вдруг охватило страстное желание стремглав унести как можно дальше от того, что сейчас произойдёт. Он не очень-то сознавал причину чувств, с такой силой накативших на него, но крылась она не в беспокойстве за Мариллу и не в страхе перед проблемами, которые неизбежно им предстояло решать из-за допущенной ошибки. Ужасным было для Мэттью совсем другое. Стоило ему лишь подумать, какое разочарование постигнет девочку, как погаснет в её глазах восторг, внутри у него всё сжималось. Примерно так же он ощущал себя, когда вынужден был участвовать в забое телёнка, ягнёнка или другого невинного существа.

Двор уже тонул в полной тьме под аккомпанемент шелковистого шелеста тополиных листьев.

– Слышите, как деревья во сне бормочут? – спросила девочка, когда Мэттью помог ей выбраться из коляски. – Какие у них, должно быть, приятные сны.

И крепко держа в руках кофровую сумку, где находилось *всё её земное имущество*, она проследовала за ним в дом.

Глава 3. Марилла Катберт удивлена

Стоило Мэттью отворить дверь, как навстречу ему вылетела Марилла и замерла потрясённо при виде странного тщедушного существа с длинными рыжими косами и восторженно сияющими глазами, одетого в безобразное грубое платье.

– Мэттью Катберт, кто это? – выпалила она. – Где мальчик?

– Не было никакого мальчика, – с несчастным видом ответил тот. – Была лишь одна *она*.

И он кивнул в сторону девочки, только сейчас спохватившись, что даже не удосужился выяснить её имя.

– Как это не было мальчика? Мальчик должен был быть, – настаивала Марилла. – Мы же просили миссис Спенсер взять для нас мальчика.

– Ну а она не его, а её привезла, – развёл руками брат. – Я спросил у начальника станции, и пришлось привезти её домой. Нельзя было её там оставлять, где бы ни случилась ошибка.

– Хорошенькое дело! – воскликнула сестра.

Девочка в течение всего этого диалога молчала, перебегая глазами с Мэттью на Мариллу, и сияние на её лице мало-помалу сменялось недоумением, пока до неё полностью не дошёл смысл того, о чём они говорили. Тут взор её померк, сумку со всем своим земным достоянием она уронила и, шагнув к ним со стиснутыми руками, горестно выкрикнула:

– Вы меня не хотите! Не хотите, потому что я не мальчик! Мне стоило этого ожидать! Я никому никогда не была нужна! И сегодняшнее, конечно же, не могло долго продлиться. Это было бы слишком прекрасно. Ох, что же мне теперь делать? Я сейчас разревусь!

И она действительно разревелась, сев на стул, положив на стол руки и уткнувшись в них лицом. Марилла и Мэттью, отделённые друг от друга плитой, обменялись осуждающими взглядами. Рыдала девочка бурно и громко, и они совершенно не представляли себе, что с этим можно сделать.

– Ну зря ты, наверное, так сильно плачешь, – наконец нерешительно, словно ступая на незнакомую и опасную территорию, произнесла Марилла.

– Нет, не зря, – подняла к ней заплаканное лицо с подрагивающими губами девочка. – Вы тоже плакали бы, если бы, после того как побыли сиротой, приехали бы туда, где считали, будет ваш дом, и обнаружили, что там не нужны, потому что вы не мальчик. О, для меня это самое трагическое событие.

Суровое лицо Мариллы чуть смягчилось трудно давшейся ей улыбкой, которая словно заржавела от длительного неупотребления.

– И всё-таки не надо больше плакать. Мы же не выгоняем тебя прямо сейчас из дома. Придётся тебе пожить здесь, пока всё не разъяснится. Как тебя зовут?

Девочка на мгновение задумалась.

– Пожалуйста, вы не могли бы называть меня Корделией? – с надеждой спросила она.

– Называть Корделией? Тебя? Это у тебя такое имя?

– Не-ет. Оно не совсем моё, но мне бы ужасно хотелось, чтобы меня называли Корделией. Это так *элегантно*.

– Представления не имею, о чём ты. Если Корделия не твоё имя, то как тебя-то зовут?

– Энн Ширли, – неохотно призналась она. – О, ну только, пожалуйста, зовите меня Корделией. Вам же, наверное, всё равно, если я мало здесь проживу. А Энн – такое неромантическое имя.

– Неромантическое? – Марилле были чужды подобные выверты. – Чепуха какая. Энн – настоящее, хорошее, простое, разумное имя. И нечего его стыдиться.

– Ой, да я не стыжусь. Но Корделия мне нравится больше, – стала объяснять девочка. – Видите ли, я давно уже представляю себе, что моё имя Корделия. Во всяком случае, последние годы. А раньше, когда была помоложе, представляла себя Джералдиной. Но теперь мне больше нравится Корделия. А если всё-таки хотите называть меня Энн, то, пожалуйста, с «и» на конце.

– А какая разница-то? – поднимая вскипевший чайник, поинтересовалась Марилла с ещё одной ржавой улыбкой.

– Очень большая. Так ведь гораздо лучше. Вот вы произносите имя и сразу в воображении видите, как оно выглядит, если его написать. Я всегда вижу. И Э-н-н выглядит до того куце, а Э-н-н-и гораздо солиднее. Так что, если вы согласитесь называть меня Энни, то постараюсь смириться, что я не Корделия.

– Ну, Энни, то бишь Энн с буквой «и» на конце, можешь ты нам рассказать, как вышла эта ошибка? Мы просили миссис Спенсер привезти нам мальчика. И что же? Никак в приюте все мальчики кончились?

– Да нет, их там полно. Но миссис Спенсер ясно сказала, что вам нужна девочка лет одиннадцати, а тамошняя экономка посоветовала меня. Вы даже не представляете, как я обрадовалась. Всю ночь потом не могла заснуть. Ой, почему же вы мне прямо на станции не сказали, что я вам не нужна? – укоряюще посмотрела она на Мэттью. – Просто оставили бы меня там, и я не увидела бы ни Белый Путь Радости, ни Озеро Сияющих Вод, и мне бы не было так трудно принять, что я здесь не нужна.

– О чём это она? – уставилась Марилла на брата.

– Ну это просто про наш разговор по дороге, – торопливо объяснил тот. – Пойду-ка, знаешь, кобылу отведу в стойло. А ты пока чай приготовь.

– А миссис Спенсер ещё кого-нибудь, кроме тебя, взяла? – продолжила расспросы Марилла после того, как Мэттью ушёл.

– Да. Для себя. Лили Джонс. Ей только пять лет, и она очень красивая. У неё каштановые волосы. Вот если бы я была очень красивая и с каштановыми волосами, вы бы меня оставили?

– Нет. Нам нужен мальчик, чтобы он помогал Мэттью на ферме. Девочка совершенно бесполезна. Сними-ка шляпу, и я её положу вместе с твоей сумкой в прихожей на стол.

Энни кротко исполнила приказание. Мэттью вскоре возвратился. Они сели ужинать. У Энни едва получилось прожевать кусочек хлеба с маслом да клюнуть каплю варенья из диких яблок, которое стояло возле её тарелки в маленькой стеклянной зубчатой мисочке. Больше она ничего не смогла съесть.

– Ты ничего не ешь, – отметила Марилла таким резким тоном, словно, по её мнению, это был серьёзный недостаток.

– Я не могу. Я в пучине отчаяния. Разве вы в состоянии есть, когда пребываете в пучине отчаяния?

– Никогда не была в пучине отчаяния и на сей счёт о себе ничего сказать не могу, – ответила Марилла.

– Никогда? – с удивлением посмотрела на неё девочка. – Но хоть раз пытались представить себе, что вы в пучине отчаяния?

– Нет. Ни разу.

– Тогда, думаю, вам не удастся понять, каково это. Очень неприятное чувство. И если пытаться есть, когда вы им охвачены, в горле встанет комок, и вы ничего не проглотите. Даже шоколадную карамель. Я ела однажды два года назад шоколадную карамель. Потрясающе вкусно. Мне с тех пор часто снится, будто у меня очень много шоколадных карамелек и я прямо сейчас начну их есть, но, как только начинаю это делать, сразу же просыпаюсь. Надеюсь, вы не обижаетесь, что я не могу есть? Ужин у вас очень вкусный, но всё равно не могу.

– Полагаю, она устала, – проговорил Мэттью, до сих пор не произнесший ни слова с момента своего возвращения в дом. – Наверное, лучше её уложить уже, Марилла.

Сестра именно об этом и размышляла. Ожидаемому желанному мальчику был приготовлен диван в маленькой комнатке при кухне, однако при всей аккуратности и чистоте, наведённых там Мариллой, такое место она считала неподходящим для девочки. Положить эту замарашку в гостевой комнате показалось Марилле чересчур. Оставался единственный вариант, а точнее – мансардная комната с восточной стороны дома.

Марилла зажгла свечу и велела Энни следовать за собой. Девочка безучастно повиновалась, захватив по дороге, когда они вышли в прихожую, шляпу и козую сумку. Прихожая эта, куда ни глянь, сияла устрашающей чистотой, а мансардная комната сияла ею же ещё сильнее.

Марилла, поставив свечу на треугольный трёхногий столик, принялась разбирать постель.

– Ночная рубашка, я полагаю, у тебя есть? – поинтересовалась она.

Энни кивнула.

– Да. Целых две. Мне сшила их экономка из приюта. Они ужасно короткие. В приюте вечно всего на всех не хватает, поэтому получается всё чересчур коротким и узким. Ну, если приют такой бедный, как наш. Я ненавижу короткие ночные рубашки, но мечтать в них можно не хуже, чем в прекрасных длинных, со шлейфом и оборками вокруг шеи. Это единственное утешение.

– Ты лучше раздевайся и поскорее ложись, а я через несколько минут вернусь к тебе и свечу заберу. Опасаюсь доверить тебе, чтобы ты сама её погасила. Устроишь ещё пожар.

И она ушла, а Энни с тоской огляделась. Побелённые стены были так откровенно голы, что девочке показалось, они сами должны испытывать болезненную стеснительность от своей наготы. Пол тоже гол, за исключением круглого плетёного коврика посередине, каких Энни до сей поры видеть не приходилось. В одном углу стояла кровать с четырьмя низкими столбиками, два на краях изножья, два – на изголовье. В другом углу находился тот самый столик, на котором пока горела свеча и ещё лежала красная бархатная подушечка для иголок, набитая чем-то до того твёрдым, что, казалось, воткни в неё даже самое агрессивное остриё, оно немедленно затупилось бы. Над столиком висело маленькое зеркало размером шесть на восемь дюймов⁴. А посередине между столиком и кроватью было окно с занавеской из льдисто-белого набобренного муслина. И наконец, напротив окна стоял умывальник. Суровость комнаты вызвала у Энни дрожь. Вздохнув, она торопливо сбросила с себя одежду, натянула короткую ночную рубашку, запрыгнула на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, натянула на голову одеяло.

⁴ Дюйм – 2,54 сантиметра.

Марилла, пришедшая за свечой, смогла обнаружить здесь чьё-то присутствие лишь по разбро- санным на полу скудным предметам одежды да по некоторой вздыбленности одеяла на кровати.

Подобрав с осуждающим видом одежду девочки, она аккуратно положила её на треуголь- ный столик, взяла свечу и подошла к кровати.

– Доброй ночи, – это нехитрое пожелание в устах Мариллы прозвучало весьма скованно и неловко, но всё же по-доброму.

Навстречу ему из-под одеяла стремительно высунулось бледное лицо.

– Разве можно желать доброй ночи, если она будет у меня самой худшей в жизни? – округлив изумлённо и без того большие глаза, спросила Энни и снова скрылась под одеялом.

Марилла тихонько хмыкнула и вернулась на кухню, где начала мыть оставшуюся после ужина посуду. Мэттью курил. Верный признак, что он находился в душевном смятении. Обычно он курил редко. Марилла настойчиво убеждала его не предаваться «этой грязной привычке», однако в определённые моменты жизни или времена года у него возникала такая потребность, и тут уж сестра смирялась, понимая, что, дымя трубкой, он выплёскивает чув- ства, от которых ему уже неважно.

– Хорошенькое получилось дельце, – негодуя проговорила она. – Вот что выходит, когда свои пожелания передаёшь другим людям вместо того, чтобы самостоятельно поехать и сделать. Эти родственники Ричарда Спенсера всё перепутали. Придётся теперь тебе или мне отправиться к миссис Спенсер. И девчонку надо вернуть в приют.

– Да. Полагаю, так, – неохотно выдал из себя Мэттью.

– Полагаешь? – внимательно посмотрела на него сестра. – А сам-то разве не уверен?

– Ну-у она, если так-то вообще, малышка, можно сказать, очень даже и милая. Жаль, Марилла, её обратно в приют, коли ей тут до того понравилось.

– Мэттью Катберт! Уж не ведёшь ли ты к тому, что мы должны оставить её? – спросила Марилла, потрясённая словами брата куда сильнее, чем если бы он вдруг решил встать на голову.

– Ну-у, может... не то чтобы совсем уж так... – Мэттью чувствовал себя загнанным в угол. – Полагаю, едва ли можно надеяться...

– Ну и какой нам будет от неё прок? – перебила его сестра.

– А вдруг ей будет прок от нас? – с ошеломляющей простотой спросил брат, словно призывал её взглянуть на ситуацию иначе.

– Мэттью Катберт, этот ребёнок очаровал тебя. Ясно же вижу! Ты хочешь её оставить.

– Она интересная крошка. Слышала б ты, как она говорила, когда мы со станции ехали.

– О да! Говорить она мастерица. Я это сразу смекнула. И совершенно не в её пользу. Не нравятся мне такие дети, которым слишком много хочется сказать. И девочка-сирота мне без надобности. А если бы оказалась нужна, я бы себе выбрала совсем другую, чем она. Кое-что в ней мне вообще непонятно. Так что отправим её прямиком назад.

– Себе в помощь, для работы, я могу нанять французского парня. А она была бы компанией для тебя, – сказал Мэттью.

– Не жажду себе я такой компании и не собираюсь её оставлять, – отрезала Марилла.

– Как скажешь, – Мэттью поднялся на ноги и убрал в карман трубку. – Я иду спать.

И он отправился спать. И Марилла, домыв тарелки, вскоре последовала его примеру, отойдя ко сну с хмурым лицом. А в восточной мансарде уже отплакалась и заснула одинокая девочка с истосковавшимся по любви сердцем.

Глава 4. Утро в Зелёных Мансардах

Когда Энни открыла глаза, уже совсем рассвело. Сев на кровати и не понимая сперва спросонья, где находится, она повернулась к окну. За ним медленно плыли по лазурному небу подсвеченные тёплым золотом солнца белые перистые облака. Девочка, как всегда при виде чего-то красивого, преисполнилась радостного восторга, но лишь на миг. Но затем вспомнила: это Зелёные Мансарды, красота которых, увы, не для неё, потому что она не мальчик.

Ясное утро тем не менее никуда не делось, и вишня перед окном была в пышном белом цвету. Энни толкнула вверх оконную раму, которая подалась с таким скрипом и так неохотно, будто её очень долго не поднимали. Зато, плотно засев в пазах, она и вниз не упала, даже подпирать ничем не потребовалось.

Девочка, встав на колени, выглянула навстречу утреннему июньскому пейзажу. Глаза её заблестели.

– Как же красиво, – шёпотом проговорила она. – Разве это не чудное место? И пусть я даже здесь не останусь, зато сколько сейчас у меня простора для воображения!

Огромная вишня росла так близко к дому, что ветви её постукивали по стене. Она была сплошь покрыта цветами – даже листья не было за ними видно. Слева и справа от окна были сады: вишнёвый и яблоневый, – большие и тоже всюду цветущие. У подножия деревьев ярко зеленела трава, среди которой росли во множестве одуванчики. И сирень перед домом цвела, благоухая лиловыми гроздьями, упоительный аромат которых ветер приносил в комнату.

За садом спускалось по склону к низине изумрудное поле клевера и бежал ручей. Белые берёзы грациозно выглядывали из подлеска, который так и манил отдохнуть среди папоротников и мхов. Вдалеке высился ещё один холм, тёмно-зелёный и перистый от обилия росших на нём елей и пихт, и сквозь прогалину между ними серел фронтон того самого низкого дома, который Энни видела вчера неподалёку от Озера Сияющих Вод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.